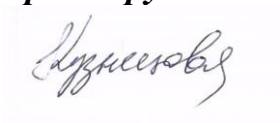
На правах рукописи



Кузнецова Лариса Валерьевна

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Красноярск – 2016

Работа выполнена на кафедре английской филологии Евразийского лингвистического института в г. Иркутске – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный лингвистический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор **Плотникова Светлана Николаевна,**

Официальные оппоненты: **Чудинов Анатолий Прокопьевич,** доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, заведующий кафедрой
Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики, профессор

Ведущая организация: ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

Защита диссертации состоится «6» октября 2016 года в 14^{00} часов на заседании диссертационного совета Д 999.016.04 на базе ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», ФГБУН «Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук», ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» по адресу: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, корп. 9, ауд. 4-02.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» и на сайте организации http://www.sfu-kras.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета Веренич Татьяна Константиновна

Общая характеристика работы

Данное диссертационное исследование посвящено теоретическому обоснованию понятия прагматической ситуации принятия решения и определению её статуса в общем ситуационном структурировании политической коммуникации.

Выбор темы связан с необходимостью дальнейшего исследования дискурса и коммуникации в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике и важностью введения новых понятий в понятийно-терминологический аппарат теории дискурса и коммуникации, в частности, введения понятия прагматической ситуации принятия решения в исследование политической коммуникации.

Политический дискурс и политическая коммуникация уже достаточно хорошо изучены; их изучение изначально началось в рамках критического анализа дискурса, направленного на исследование выражения в дискурсе власти, идеологии, социального неравенства [Р. Фаулер, Дж. Крес, Б. Ходж, Т. ван Дейк, Р. Водак, Н. Фэарклоф и др.].

Общие проблемы политического дискурса и политической коммуникации рассматриваются в трудах ведущих отечественных и зарубежных лингвистов: В.З. Демьянкова, А.П. Чудинова, В.Н. Базылева, Е.И. Шейгал, Л.В. Куликовой, А.Н. Баранова, П. Чилтона, Т. ван Дейка, Н. Фэарклофа и др.

В диссертации принимается за основу теория политической коммуникации Е.И. Шейгал. Ситуации политической коммуникации определяются ею как «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал 2004: 23]. Согласно принятой теории, политическая коммуникация включает в себя взаимодействие представителей политических институтов и их клиентов (политиков и населения) и взаимодействие между политиками (в парламенте, правительстве, партии и т.д.). Специфика политической коммуникации состоит в том, что в ней преобладает «субъектно-адресатный вектор общения», то есть коммуникация зачастую носит однонаправленный характер (от политика к народу, от лидера партии к её членам). Е.И. Шейгал выделяет «жанры институциональной коммуникации, составляющие основу собственно политической деятельности: речи, заявления, дебаты, переговоры, декреты, конституции, партийные программы, лозунги» [Шейгал 2004: 244-245]. Коммуникацией, в строгом смысле этого слова, то есть носящей двунаправленный характер и предполагающей обмен сообщениями между участниками, являются дебаты и переговоры, при этом дебаты характеризуются более непосредственным и спонтанным коммуникативным поведением участников [Шейгал 2004].

В нашей диссертации мы анализируем прагматическую ситуацию принятия решения в прототипическом жанре политической коммуникации – парламентских дебатах.

Различные лингвистические аспекты дискурса парламентских дебатов были исследованы в кандидатских диссертациях. Получили рассмотрение лингвостилистические средства аргументации в дискурсе парламентариев [Ку-

ликова 1989]; дискурс британских парламентариев, обсуждающих бюджет [Скопинцева 1998]; выражение категории модуса в аргументативном дискурсе дебатов Бундестага ФРГ [Кузнецова 2004]; структурные характеристики высказываний в парламентском дискурсе Великобритании [Китик 2004]; политический дискурс по проблеме терроризма в Конгрессе США и Парламенте Великобритании [Правикова 2005]; речевые акты обвинения в парламентских дебатах Бундестага ФРГ [Сапрыкина 2006]; гендерный фактор в аргументативном дискурсе французского парламента [Хламова 2009]; имиджеобразующие стратегии в парламентских дебатах [Катанова 2009]; стратегия конфликта в немецком парламентском дискурсе [Вознесенская 2010]. В ряде работ анализируется национально-культурная специфика парламентских выступлений: дебатов в Госдуме РФ и Палате Представителей Новой Зеландии [Верещагин 2007]; в Национальном Собрании Франции и Госдуме РФ [Чернышкова 2007]; в Бундестаге ФРГ и Госдуме РФ [Константинова 2013].

Исследование когнитивного процесса принятия решений в ходе парламентских дебатов, насколько нам известно, до сих пор не проводилось. Вместе с тем, принятие решений представляет собой основу любой политической деятельности. «Особенность политической коммуникации заключается в том, что это важное звено политической деятельности, суть которой – принятие решений, обеспечивающих возможности для взаимодействия членов общества и функционирования общественных институтов» [Базылев 2005: 324]. В.Н. Базылев провёл исследование текстов политических выступлений, произнесенных в пользу принятия того или иного решения. «Тексты политиков дают возможность реконструировать вербализованный процесс принятия решений на операциональном уровне, а также выяснить и исследовать закономерности отображения этого процесса в аргументативном тексте» [Базылев 2005: 325].

Представляется своевременным продолжить изучение процесса принятия решений на уровне диалогической политической коммуникации.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения параметров прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации и способов их языковой реализации. Актуальным является также междисциплинарный подход к ситуации принятия решения с позиции лингвистики и других наук. Учет взаимодействия коммуникации, когниции и дискурса, а также прагматической мотивации в использовании языка определяет актуальность исследования в рамках современных направлений когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике.

Теоретической и методологической базой диссертации являются работы отечественных и зарубежных ученых в области:

1) теории коммуникации (К. Шеннон, У. Уивер, М. Фуко, Ю. Хабермас, У. Матурана, Ф. Варела, Р.О. Якобсон, Т.Г. Винокур, Г.Г. Почепцов, А.П. Чудинов, Л.В. Куликова, А.Н. Баранов, Ю.Н. Казакевич, И.А. Стернин, В.А. Митягина, А.А. Олянич, А.П. Панфилова и др.);

2) теории дискурса (В.З. Демьянков, В.И. Карасик, Е.И. Шейгал, В.Н. Базылев, М.Л. Макаров, С.Н. Плотникова, Л.С. Бейлинсон, М. Стабс, Т. ван Дейк, П. Чилтон, Р. Водак, Н. Фэарклоф и др);

3) прагмалингвистики (Ч. Моррис, П. Грайс, Д. Спербер, Д. Уилсон, В.Г. Гак, Н.Д Арутюнова, Т.В. Булыгина, В.В. Богданов, Н.К. Рябцева, С.Н. Плотникова, Г.Г. Матвеева и др.);

4) когнитивной лингвистики (Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Н.Н. Болдырев, А.А. Залевская, А.П. Бабушкин, Е.В. Падучева, Т. Виноград, П. Таргард, Т. ван Дейк, В. Кинч и др.);

5) теории конверсационного анализа (П. Дрю, Дж. Херитейдж, Г. Кларк, А. Померанц, А. Мейер и др.);

6) теории решения проблем и принятия решений (Дж. Нейман, О. Моргенштерн, Л. Заде, Г. Саймон, А. Ньюелл, В. Штегмюллер, Р. Нозик, Д. Канеман, А. Тверски, Э. Боно, Р. Акофф, М. Эддоус, Р. Стэнсфилд и др.).

Исследование базируется на **гипотезе** о том, что политическая коммуникация структурируется разными типами ситуаций, в том числе и прагматическими ситуациями, одной из которых является прагматическая ситуация принятия решения.

Целью диссертации является теоретическое обоснование онтологической сущности прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации и определение основных лингвистических параметров её формирования.

В соответствии с поставленной целью и в процессе доказательства выдвинутой гипотезы в диссертации ставятся следующие **задачи**:

1) проанализировать понятие прагматической ситуации;

2) описать общие особенности институциональной коммуникации и особенности политической коммуникации;

3) рассмотреть основные положения междисциплинарной теории решения проблем и принятия решений и выделить её лингвистические аспекты;

4) дать определение прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации и отграничить ее от институциональной и коммуникативной ситуации;

5) определить основные параметры когниции в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации;

6) определить основные параметры дискурсивизации в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации.

Объектом исследования является прагматическая ситуация принятия решения в политической коммуникации.

Предметом исследования являются структурные, когнитивные и дискурсивные параметры прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации.

Цель работы определяет привлечение различных **методов** исследования, среди которых метод ситуационного, пропозиционального, речеактового, аксиологического анализа, метод когнитивного моделирования и интерпретатив-

ный метод.

Материалом для исследования служат транскрипты протоколов (Hansard Records) заседаний Британского Парламента и стенограммы заседаний Государственной Думы РФ за 2005-2014 гг. Общий объём проанализированного материала составляет более 6000 страниц.

Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается репрезентативным отбором и разнообразием рассмотренного языкового материала, а также комплексным подходом к его анализу, включающим лексический, когнитивный и дискурсивный аспекты.

Научная новизна результатов исследования состоит в том, что в нем **впервые**:

1) проведен комплексный лингвистический анализ прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации;

2) определено, что прагматическая ситуация принятия решения в политической коммуникации формируется общей прагматической установкой участников на принятие решения и их общей прагматической ролью «субъект, принимающий решение», дополнительной по отношению к институциональной роли «политик» и коммуникативной роли «адресант / адресат»;

3) установлена лингвистическая сущность решения, принимаемого в данном типе ситуации: на когнитивном уровне решением (финализованным знанием) становится одна из двух контрадикторных макропропозиций, обрабатываемых в проблемном когнитивном пространстве; на языковом уровне выбранная макропропозиция вербализуется как речевой акт декларатив о действии, которое будет выполнено в мире;

4) определена взаимозависимость когниции и дискурсивизации в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации: два противостоящих друг другу на уровне когниции когнитивных сообщества на уровне дискурсивизации противостоят друг другу как два отдельные дискурсивные сообщества;

5) установлен длительный характер когниции и дискурсивизации в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации: прагматическая ситуация продолжается до принятия решения, в связи с чем она охватывает собой множество институциональных и коммуникативных ситуаций, протекающих в разное время, в разном месте и с разным составом участников.

На защиту выносятся следующие положения*:*

1) Ситуация принятия решения в политической коммуникации является завершающим этапом более широкой ситуации решения политической проблемы, обсуждения имеющихся либо конструирования возможных вариантов решения. Финальная ситуация принятия решения представляет собой выбор одного из двух вариантов, оставшихся после отфильтровывания всех других; данная ситуация начинается с проблемного вопроса или призыва к участникам принять решение и заканчивается общим коммуникативным действием, ответом участников на поставленный проблемный вопрос.

2) Ситуация принятия решения в политической коммуникации превращается в прагматическую в том случае, когда принятие решения становится общей прагматической целью всех участников и общим прагматическим содержанием сообщений, которыми они обмениваются. Прагматическая ситуация принятия решения имеет самостоятельный статус; она не совпадает по своим границам с отдельной институциональной или коммуникативной ситуацией, превосходит их и включает в себя множество подобных ситуаций, протекающих в разное время, в разном месте и с разным составом участников.

3) Параметрами когниции в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации являются: а) осмысление (познавание) текущей ситуации как ситуации принятия решения; б) вербализация двух проблемных, контрадикторных по отношению друг к другу макропропозиций как вариантов решения; в) коллективный, но в тоже время адверсариальный характер когниции; г) формирование в процессе когниции двух когнитивных сообществ, моделируемых в виде двух противостоящих друг другу абстрактных коллективных решающих субъектов; д) длительный характер когниции, завершением которого является решение как финализованное знание.

4) Параметрами дискурсивизации в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации являются: а) формирование дискурса на основе дискурсивных механизмов согласия / несогласия и аргументации / контраргументации; б) коммуникативная борьба за избранный вариант решения; в) специфика реализации Кооперативного принципа – его несоблюдение по отношению к коммуникативному противнику; г) направленность процесса дискурсивизации на конструирование будущего мира.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в развитие теории коммуникации, теории дискурса, когнитивной лингвистики, политической лингвистики, социолингвистики.

Была поставлена общая теоретическая проблема ситуационного структурирования институциональной коммуникации и роли в ней прагматической ситуации. Была исследована конкретная теоретическая проблема статуса прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации.

Создана теоретическая модель прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации, объясняющая её сущностную природу, формирующие её параметры когниции и дискурсивизации, ее взаимодействие с институциональной и коммуникативной ситуацией. Разработанная модель углубляет научное представление о типах ситуаций, реализуемых в политической коммуникации, и способах их языковой объективации.

Уточняются теоретические знания о природе когниции; выявлены особенности коллективной когниции в процессе принятия решения в политической коммуникации. Углубляется теоретическое представление о когнитивном сообществе и коллективном субъекте, в частности, о коллективном субъекте, принимающем решение.

Получает развитие понятие дискурсивизации; определены закономерности, лежащие в основе протяженного развертывания дискурса в политической

коммуникации. В анализ дискурса вводится понятие дискурсивного механизма как сквозного употребления определённых речевых актов, интегрирующего дискурс и выступающего в качестве базового принципа дискурсообразования.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения ее основных положений в преподавании вузовских курсов теории коммуникации, теории дискурса, когнитивной лингвистики, социолингвистики. Результаты и материалы исследования могут быть использованы при составлении учебных пособий по теории языка, а также при руководстве курсовыми и дипломными работами.

Апробация работы. По теме диссертации сделаны доклады на двух международных конференциях: «Язык – когниция – социум» (Минск, 2012 г.); «Языковой дискурс в социальной практике» (Тверь, 2013 г.); на 9-й Всероссийской научной конференции «Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности» (Иркутск, 2015 г.); на конференциях молодых ученых «Современные проблемы гуманитарных и естественных наук» в ФГБОУ ВПО ИГЛУ (2012, 2013, 2014 гг.).

Основные результаты исследования отражены в 12 публикациях, в том числе в трех публикациях в ведущих рецензируемых научных изданиях. Общий объем публикаций составляет 4 печатных листа.

По **структуре** диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 160 наименований, в том числе 56 на иностранных языках, списка использованных словарей, списка источников примеров.

Основное содержание диссертации

Во **Введении** формулируются цели и задачи работы, обосновывается актуальность и научная новизна исследования, перечисляются основные методы анализа, приводится описание теоретической базы диссертации, излагаются основные положения, выносимые на защиту, отмечается теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В Главе I «Теоретический подход к исследованию прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации» описывается теоретическая база диссертации, на основании чего выделяются три типа ситуаций политической коммуникации: институциональная, коммуникативная и прагматическая, разграничиваются неситуативный и ситуативный подходы к принятию решения и дается, в рамках второго подхода, определение прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации.

1.1. Понятие прагматической ситуации как развитие понятия коммуникативной ситуации

Ситуационный / ситуативный анализ, как лингвистический метод, направлен на изучение роли языка в объективации различных типов ситуаций. Вместе с тем, понятие ситуации трактуется в лингвистике по-разному, в зависимости от принимаемого подхода.

Прежде всего, рассматриваются ситуации, соотносящиеся с высказыванием; в отечественной лингвистике их изучение было начато В.Г. Гаком [Гак 1998]. В русле этого подхода разграничиваются денотативные и сигнификативные ситуации, а также категориальные ситуации, соответствующие функционально-семантическому полю [Бондарко 2005].

Наряду с теорией ситуации, соотносящейся с высказыванием, в лингвистике развивается понятие ситуации, соотносящейся с интерактивным взаимодействием общающихся людей, то есть понятие коммуникативной ситуации. Понимание коммуникативного акта [Якобсон 1975] лежит в основе лингвистического понимания коммуникативной ситуации; коммуникативная ситуация представляет собой взаимодействие адресанта и адресата, которые постоянно меняются местами и при помощи коммуникативных актов осуществляют процесс передачи сообщений или обмена сообщениями. Ситуационный характер коммуникации проявляется в «пространственно-временном соотношении коммуникантов в момент общения, их обоюдном восприятии друг друга» [Куликова 2009: 36]. Исследуя различные аспекты коммуникации, лингвисты подчеркивают ее социальный характер, рассматривая ее как взаимодействие, интеракцию в физическом присутствии общающихся [Леонтьев 1977, Почепцов 2001, Макаров 1998, Олянич 2003, Стернин 2002 и др.].

Понятие коммуникативной ситуации получило дальнейшее развитие в понятии прагматической ситуации, предложенном Н.Д. Арутюновой. Данное понятие является базовым для нашей диссертации. Н.Д. Арутюнова определяет прагматическую ситуацию как ситуацию, «скрывающуюся» за коммуникативной ситуацией. «За ситуацией коммуникативного плана (говорящий – сообщение – слушающий) скрывается более сложная система поведенческих отношений, межличностных и социальных» [Арутюнова 1981: 361], «прагматическое содержание коммуникативного акта, впитавшее в себя коммуникативную ситуацию» [Арутюнова 1981: 356-357]. Это скрывающееся за коммуникативной ситуацией прагматическое содержание Н.Д. Арутюнова обозначает понятием «прагматическая ситуация» как расширяющим и уточняющим понятие «коммуникативная ситуация». Прагматическая ситуация связана со «структурой внутреннего человека», формируемой в контексте коммуникативного взаимодействия [Арутюнова 1997: 62]. В качестве примера Н.Д Арутюнова анализирует прагматическую ситуацию стыда. Стыд, как свойство внутреннего человека, распространяет свое действие на его дискурс, заставляя опускать детали и заменять прямые способы номинации косвенными. Прагматическая ситуация стыда данного человека, таким образом, становится прагматической ситуацией и для его собеседника, который вынужден реагировать на проявление стыда [Арутюнова 1997: 64]. Н.Д. Арутюнова ставит проблему изучения различных прагматических ситуаций, в которых вскрываются разные прагматические смыслы, связанные со структурой внутреннего человека.

Теорию прагматической ситуации Н.Д. Арутюновой развивает Н.К. Рябцева; она определяет прагматическую ситуацию как дополнительную по отношению к коммуникативной ситуации, участниками которой являются адресант

и адресат. Они не просто обмениваются сообщениями, но выступают деятелями, создающими прагматическую ситуацию. Они совершают прагматические поступки, устанавливающие межсубъектные отношения и делающие возможным референцию к ним, и каждый раз совмещают в себе социальные, коммуникативные и прагматические роли. При этом прагматическая ситуация может не совпадать с коммуникативной по месту и времени [Рябцева 1994]. К термину «прагматическая ситуация» обращается также С.Н. Плотникова, рассматривая прагматическую ситуацию неискренности, связанную с человеком, реализующим особую дискурсивную стратегию; она соотносит прагматическую ситуацию «не со всеми участниками, а с отдельной языковой личностью, реализующей специфические коммуникативные намерения» [Плотникова 2000: 111]. Понятие прагматической ситуации начинает развиваться и в кандидатских диссертациях, в частности, Е.С. Анисимова исследует прагматическую ситуацию счастья [Анисимова 2007]; Е.И. Матвеева анализирует прагматическую ситуацию признания в любви [Матвеева 2009].

Итак, понятие прагматической ситуации уточняет собой понятие коммуникативной ситуации. Суть этого уточнения в том, что на коммуникативную роль – роль адресанта и адресата – накладывается определенная прагматическая роль, например, человека стыдящегося, неискреннего, счастливого, влюбленного и т.п. На основе анализа теоретической литературы мы принимаем в диссертации следующие определения коммуникативной и прагматической ситуации.

Коммуникативная ситуация – это фрагмент координированного взаимодействия говорящих, поочередно выполняющих коммуникативные роли адресанта и адресата и обменивающихся сообщениями, направленными на осуществление определенной коммуникативной цели.

Прагматическая ситуация – это ситуация, формируемая прагматической мотивацией коммуникантов, включающей как их личностные, так и общественные прагматические установки, в соответствии с которыми коммуниканты принимают те или иные прагматические роли. Прагматическая ситуация вбирает в себя коммуникативную ситуацию, но может и не совпадать с ней по месту и времени.

1.2. Специфика коммуникативной ситуации в социальных институтах

Рассматривается становление социологической теории социального пространства и конституирующих его социальных институтов [Бурдье 1993]; дается современное понимание социального института и институционализации. Социальный институт – это образование, охватывающее большие массы людей, чье поведение управляется нормами и ролями. Институционализация – это процесс, посредством которого разрабатываются и реализуются предназначенные для различных социальных установок нормы и роли [БТСЛ]. Анализируется философское понимание социального института и институциональной ситуации: в социальных институтах действия каждого члена исполняются только в пределах заданной институциональной ситуации [Nozick 1993: 125].

На основании анализа теоретических источников принимается определение институциональной ситуации как воссоздаваемого в рамках того или иного социального института фрагмента взаимодействия людей, выполняющих определенные институциональные роли.

Анализируется теория институциональной коммуникации: её зарождение [М. Фуко], её развитие в отечественной и зарубежной лингвистике, на основании чего определяется специфика коммуникации в социальных институтах, а именно её разделение на два основных типа. Ситуации первого типа представляют собой коммуникацию между представителями институтов (агентами) и теми, кто туда обращается (клиентами). Ситуации второго типа – это коммуникация между представителями самих институтов, то есть коммуникация внутри профессиональных групп, в число которых входит и группа политиков, участвующих в парламентских дебатах.

1.3. Современное понимание политического дискурса и политической коммуникации

Рассматриваются истоки изучения политического дискурса в рамках исследования социальной власти и идеологии в критической лингвистике. Анализируются современные теории, акцентирующие важность ситуационного подхода к исследованию политической коммуникации. Сделан вывод, что выявленные в теоретической литературе особенности политической коммуникации позволяют рассматривать ее с точки зрения реализации в ней разных типов коммуникативных ситуаций, которые характеризуются конкретной тематикой политического дискурса и конкретным набором языковых средств, то есть особым содержанием и спецификой его языкового выражения. Для последующего практического анализа избран прототипический жанр политической коммуникации, составляющий основу политической деятельности, парламентские дебаты, и производимый в его рамках дискурс.

1.4. Парламентские дебаты через призму ситуационного анализа

Поскольку ситуационный критерий предполагает выделение инварианта, лежащего в основе множества вариантов – конкретных ситуаций определенного типа [Сахарный 1989], было выделено одно общее, инвариантное свойство ситуаций, развертывающихся в ходе парламентских дебатов, – это разговорная деятельность представителей политических институтов. Однако дебаты – это не единственный разговорный тип политической коммуникации. Начинают появляться разработки и других разговорных типов в русле ситуационного подхода. Проведен анализ ситуаций коммуникации между президентом и сотрудниками Белого дома [Witherspoon 1991]; коммуникации внутри правительственных групп [Miller 1993]; профессиональной коммуникации между политиками и консультантами [Friedenberg 1997]; межличностной коммуникации во время проведения политических кампаний [Trent 2000]. Объединяя данные разговорные типы политической коммуникации с парламентскими дебатами, мы сделали вывод, что совместную коммуникативную деятельность профессиональных политиков следует рассматривать не только в плане сущностных характеристик политического дискурса (борьба за власть), но и с точки зрения делового дис-

курса, поскольку разговорный политический дискурс является одновременно и деловым дискурсом. Предметом общения в деловой коммуникации является деятельность (дело), следовательно, партнер по общению выступает как личность, значимая для Другого [Панфилова 2001: 15-16]. Равные, партнерские отношения между коммуникантами мы считаем вторым инвариантным свойством ситуации парламентских дебатов. Третьим инвариантным свойством политических дебатов, выделенным нами на основе анализа теоретической литературы, является то, что они представляют собой профессиональную / служебную коммуникацию. В связи с этим политический дискурс, производимый во время политических дебатов, можно рассматривать как профессиональный дискурс, то есть как специальность или необходимый атрибут специальности. Профессионалу свойственно присутствие на рабочем месте в определенное время, в связи с чем его речевое поведение квалифицируется как «служебное» [Винокур 1993: 119]. Парламентариев, несомненно, отличает подобное «служебное» поведение и профессиональный политический дискурс. Участвующие в дебатах политики составляют профессиональную группу, локализованную в пространстве, которая определяется как постоянная, обязательная и формальная социо-группа [Макаров 1998]. Политики присутствуют на рабочем месте – в парламенте, в Думе, и их дискурс носит заданный характер; он организован в форме полилога.

1.5. Решение проблем и принятие решений как междисциплинарная область исследований и ее лингвистические аспекты

Описываются принципы принятия решений, выявленные в математической теории игр [Нейман, Моргенштерн 1970 и др.], в теории нечетких множеств [Заде 1976], в теории искусственного интеллекта [Саймон, Ньюелл 1964 и др.]. Отмечается, что теория решения проблем и принятия решений начинает разрабатываться и в философии [Боно 2007, Штегмюллер 1987, Nozick 1993], где получило определение понятие «проблема»: «в широком смысле – сложный теоретический или практический вопрос, требующий разрешения; в узком смысле – ситуация» [ВЭФ]. Отмечается, что в психологии разграничиваются два подхода к принятию решений: неситуативный и ситуативный. Согласно неситуативному подходу, «каждый волевой акт включает в себя решение, поскольку он предполагает принятие определенной цели и открывает соответствующему желанию доступ к моторной сфере, к действию, направленному на ее осуществление» [Рубинштейн 2000: 473]. В когнитивной психологии принимается другой, более узкий, ситуативный подход, предлагаемый Д. Канеманом и А. Тверски. Базовыми понятиями их концепции являются понятия проблемы, требующей решения (decision problem), и принятия решения (decision making) в условиях наличия двух опций (options), то есть двух вариантов выбора [Kahneman, Tversky 1981, 1986]. Д. Канеман и А. Тверски подчеркивают, что в когнитивном плане принятие решения всегда связано с финальным выбором из двух вариантов. Например, в тесте, когда даются несколько возможных ответов на поставленный вопрос, решающий вначале отсеивает, отфильтровывает в

процессе когниции все варианты, кроме двух, наиболее подходящих, и затем выбирает один из них в качестве решения.

В лингвистике неситуативный, широкий, подход к пониманию решения предполагает, в первую очередь, изучение лексики со значением принятия (исполнения) решения. Исходя из широкого понимания принятия решений, когда каждый волевой акт рассматривается как решение, лингвисты определяют языковые средства, семантика которых отражает различные этапы процесса принятия решения [Падучева 2004, Рыскина 2004, Челобаева 2006 и др.]. Насколько нам известно, в рамках ситуативного подхода было проведено три лингвистических исследования ситуации принятия решения. С.Н. Плотникова рассматривает данную ситуацию в аспекте выбора решения из двух альтернатив и определяет когнитивный сценарий принятия решения как формулирование двух проблемных пропозиций и выбор одной из них; данный сценарий реализуется в ситуации обсуждения, взятой в её целостности [Плотникова 1995]. А.П. Бабушкин анализирует описание решения математических задач в художественной литературе и определяет его как когнитивный процесс, направленный на трансформацию данной ситуации в ситуацию, предполагающую достижение поставленной цели [Бабушкин 2005: 46]. В.Н. Базылев выделяет когнитивное событие «принятие решения» в текстах политиков и создает когнитивную модель монологической аргументации в политическом дискурсе [Базылев 2005].

Проведенный обзор теоретической литературы в междисциплинарной области анализа решения проблем и принятия решений выявил наличия самых различных, в том числе и противоречащих друг другу подходов. В связи с этим потребовалось выработать свой собственный подход и собственное определение ситуации принятия решения в политической коммуникации.

1.6. Определение ситуации принятия решения в политической коммуникации

Согласно принятому ситуативному подходу, процесс решения проблемы и принятия решения осуществляется в рамках ситуации, которая носит промежуточный характер между некой первоначальной и конечной, желаемой ситуацией. В рамках первоначальной ситуации возникает проблема – сложный теоретический или практический вопрос, требующий решения. Решение данной проблемы осуществляется в отдельной ситуации, отграниченной от первоначальной, в особом когнитивном / проблемном пространстве. Ситуация решения проблемы (problem solving) является более широкой, чем собственно ситуация принятия решения (decision making), и предваряет данную ситуацию.

Ситуация решения проблемы включает в себя либо 1) рассмотрение и обсуждение всех имеющихся вариантов решения, либо 2) конструирование решения, его проектирование, «придумывание», когда сконструированные решения представлены в терминах возможных миров.

Ситуация принятия решения в когнитивном плане представляет собой выбор одной из двух альтернатив, оставшихся после отфильтровывания всех других вариантов. По отношению к политической коммуникации ситуация принятия решения определяется нами как финальная ситуация решения той или

иной политической проблемы, выбор одного из двух вариантов и принятие его в качестве институционального политического решения.

В главе II «Параметры когниции в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации» анализируется процесс формирования прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации в рамках текущей институциональной и коммуникативной ситуации, разграничиваются языковые маркеры каждой из этих ситуаций, и определяется специфика коллективной когниции в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации.

2.1. Осмысление институциональной и коммуникативной ситуации как прагматической ситуации принятия решения

На основе определения когниции как всеобъемлющего познавательного процесса (познания и познавания) [КСКТ] и как интерактивного процесса, связанного с осмыслением и интерпретацией сообщений [Демьянков 1994] доказывается, что текущая ситуация познаётся её участниками одновременно как институциональная, коммуникативная и прагматическая ситуация принятия решения. Установлено, что каждая из этих ситуаций имеет свои особенности на уровне вербализации, и следует классифицировать языковые маркеры каждой из них.

2.2. Языковые маркеры институциональной ситуации

Формирование институциональной ситуации начинается с номинации места, времени проведения дебатов, основного состава участников, темы и состояния законопроекта (*House of Lords. Monday 3 December 2012. Canterbury City Council Bill.Third Reading; Здание Государственной Думы. Большой зал. 19 ноября 2013 года. 10 часов. Председательствует Председатель Государственной Думы С.Е. Нарышкин. Присутствует 441 чел. 98, 0%; Проект федерального закона «О внесении изменений в статью 325 Трудового кодекса Российской Федерации» Рассмотрение законопроекта в первом чтении.*).

Общая номинация основного состава участников расширяется посредством номинации их особых социальных ролей. Эти номинации включают названия политических партий и занимаемых должностей (*Mrs Cheryl Gillan (Cheshamand Amersham) (Con); The Minister of State, Department for Transport (Mr Simon Burns); председатель Российской объединённой демократической партии «Яблоко»*).

Номинируются также приглашенные (*Mr Speaker:* ***The Second Church Estates Commissioner****; Председательствующий: Я прошу пригласить* ***представителей непарламентских партий: уважаемые приглашенные***). В качестве незримых участников институциональной ситуации «парламентские дебаты» номинируются также избиратели, интересы которых представляют депутаты (*I would like to believe that my* ***constituents*** *will be able to benefit from the line as well; Мы не можем поддерживать законы, которые идут вразрез интересам* ***наших избирателей***). Использование данных средств номинации доказывает, что прямыми участниками рассматриваемой институциональной ситуации являются агенты политического института, непрямыми – его клиенты, к которым отно-

сятся избиратели, чьи интересы представляют и отстаивают парламентарии. Участники институциональной ситуации «парламентские дебаты» используют также особый набор лексических средств, входящих в лексикон политиков (*bill, opposition members, Government amendment, new clause, таблица поправок*). Спикер / председательствующий дискурсивно контролирует институциональную ситуацию при помощи набора клишированных речевых актов директивов. С их помощью он демонстрирует и закрепляет свою доминирующую институциональную роль (*Order. Mr Hemming, sit down; Order. We do not need these constant sedentary interventions from the Minister of State. The message is clear and simple: be quiet, man; Депутату Исаеву включите микрофон; Давайте по одному от фракции; Включите режим записи на выступления*).

В целом, развертывание институциональной ситуации основывается на речевых актах обращения политиков друг к другу с упоминанием их институционального статуса и других клишированных речевых актах (представление, объявление повестки, установление регламента, призывы соблюдать регламент, замечания, назначение голосования и т.п.), а также на языковых формах институциональной вежливости.

2.3. Языковые маркеры коммуникативной ситуации

Установлено, что коммуникативная ситуация имеет ряд общих языковых маркеров с институциональной ситуацией, поскольку они обе протекают в определенном месте, в определенное время и в условиях соприсутствия конкретных людей: место и время обеих ситуаций фиксируется с помощью одних и тех же языковых маркеров (*I remind the House that the debate* ***must end at 7 o'clock; 10 часов, начинаем работать****; Уважаемые коллеги, на этом мы* ***заседание завершаем****; Коллеги,* ***прервёмся, продолжим обсуждение после перерыва***). Однако развитие коммуникативной ситуации характеризуется и своими особыми языковыми маркерами. Началом коммуникативной ситуации является фатическое общение (поздравления, благодарности), либо ритуальный объединяющий дискурс (коллективная молитва). Мена коммуникативных ролей в структуре полилога контролируется спикером / председательствующим (*Пожалуйста, докладчику слово; Кто хотел бы выступить; Слово для содоклада предоставляется; Я имею право определять последовательность выступающих; Спасибо, присаживайтесь*), но в то же время говорящие активно инициируют свое вступление в полилог с помощью вопросов, прерываний, вклинивающихся выступлений (*Let me say a few words to my old friend, the right hon. Member for Oldham West and Royton Mr Meacher; я обращаюсь к Андрею Николаевичу Пудову, присутствующему в зале*). Завершением коммуникативной ситуации, развертывающейся в рамках институциональной ситуации «парламентские дебаты», является констатация завершения коммуникативного взаимодействия (*Обсуждение* ***завершено****; We* ***have had*** *a lively and wide-ranging debate*). В целом, формирование коммуникативной ситуации в рамках институциональной ситуации «парламентские дебаты» основывается на взаимодействии многих адресантов и адресатов в структуре полилога.

2.4. Языковые маркеры прагматической ситуации принятия решения

Институциональная и коммуникативная ситуации носят общий характер и присущи парламентской коммуникации в целом. В процессе их развертывания могут осуществляться различные прагматические ситуации, в том числе и прагматическая ситуация принятия решения. Прагматическая ситуация принятия решения определяется, прежде всего, тем, что все политики, как участники институциональной и коммуникативной ситуации, позиционируют себя в прагматической роли принимающих решение (решающих). Употребление слов *decision (decide) / решение (решать)* в речи политиков формирует прагматическое содержание рассматриваемой ситуации (*We obviously want to ensure that those* ***making the decisions*** *do so properly; Нужно, чтобы данный вопрос был* ***решён*** *всесторонне*). Языковыми маркерами прагматической ситуации принятия решения являются также словосочетания *pass a law, pass the legislation, pass the bill, принять закон*, с помощью которых политики подчеркивают главную цель текущих парламентских слушаний − принять решение, то есть принять, одобрить рассматриваемый закон (законопроект) (*We need to* ***pass this Energy Bill*** *if Britain is to have a credible and ambitious energy and climate change policy; To* ***pass the legislation*** *that we need and of which future generations will be proud −* ***legislation*** *for one nation*). Согласно теории решения проблем, рациональное решение учитывает ценность избираемого действия как решения и складывается из системной, фактической и мировоззренческой полезности данного действия. На языковом уровне это отражается в использовании дескрипций с мелиоративной семантикой и выражений с семантикой «*пользы*», «*выгоды*» (*In summary, the Bill is* ***vital****; it is a* ***very important*** *Bill; the purpose of* ***this excellent Bill****; this Bill will enable the system to become* ***effective;*** *it is* ***courageous and principled****, because what we are talking about is one of* ***the most important functions*** *of any Government; Мы придаём этим слушаниям* ***большое значение****; на самом деле законопроект, который мы сегодня принимаем,* ***чрезвычайно важен*** *для всех граждан Российской Федерации*). Решающие при помощи речевых актов ассертивов предоставляют фактуальную информацию о тех, кто непосредственно получит фактическую выгоду от предпринимаемых ими действий − это избиратели, то есть основные клиенты данного социального института (*I welcome the Bill, which is long overdue and of tremendous significance to our constituents; The Bill is important for the country and particularly for my constituency; Хочу также обратить внимание ещё на ряд поправок, которые учитывают права тех или иных категорий граждан; мы должны поддерживать, улучшать социальное положение людей в наиболее важных с точки зрения демографической политики районах Российской Федерации*). Говоря о законопроекте, политики используют в своих высказываниях существительные со значением «предпринимаемых мер», а также глаголы и словосочетания со значением «изменения состояния», при помощи которых они подчеркивают высокую степень пользы, выгоды предлагаемых действий и связанных с ними результатов. Данные предложения направлены на то, чтобы склонить остальных участников к правиль-

ному, рациональному решению (*The Energy Bill represents the most complete and complex* ***reform*** *of the energy market to date; Принятие этих законов позволит нам* ***применять меры*** *ответственности к лицам, которые ведут такие базы данных и, соответственно, допускают их утечку*). Итак, прагматическая нацеленность участников на принятие решения находит отражение на языковом уровне. В соответствии с определением прагматической ситуации, будучи объединены общей прагматической целью, говорящие выступают деятелями, создающими прагматическую ситуацию; в данном случае на их институциональную роль «политик» и коммуникативную роль «адресант / адресат» накладывается прагматическая роль «субъект, принимающий решение».

2.5. Вербализация контрадикторных пропозиций как основной параметр когниции при формировании прагматической ситуации принятия решения

Приняв за основу определение когнитивного сценария решения проблемы как обработки проблемных пропозиций в когнитивном пространстве [Newell 1977] и когнитивного сценария принятия решения как выбора из двух альтернатив [Канеман, Тверски 1981, 1986], мы проанализировали специфику вербализации проблемных пропозиций в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации. Установлено, что в лингвистическом плане начальным этапом прагматической ситуации принятия решения является номинация проблемы спикером / председательствующим и призыв к её решению в форме речевого акта директива, прямого или косвенного, как это происходит, в частности, на заседании, посвященном проблеме изменения системы исчисления времени в Государственной Думе РФ от 30. 09. 2012 г. (*Во-первых, я хочу поблагодарить всех присутствующих за то, что они нашли часть своего личного времени и выделили его на обсуждение, на мой взгляд, весьма актуальной* ***проблемы – изменение времени в Российской Федерации***). Говорящий номинирует проблему (***изменение времени в РФ***) и призывает участников приступить к её решению. Прямой речевой акт эмотив (***я хочу поблагодарить*** *всех присутствующих…*) является косвенным директивом (иллокутивная цель говорящего не столько выразить благодарность за участие в заседании, сколько призвать к решению проблемы). Председательствующий отмечает и наличие двух альтернатив решения проблемы, что позволяет нам определить эту проблемную ситуацию как прагматическую ситуацию принятия решения. Возможные решения обозначаются говорящим как *развилки,* то есть сам говорящий не называет их вариантами решения проблемы (*Я, единственное, хочу обратить ваше внимание на те* ***развилки****, которые хотелось бы обсудить.* ***Первая развилка*** *– это принципиальный вопрос о том, стоит ли вообще будить лихо, я имею в виду изменять принятую на сегодняшний день систему исчисления времени, которая зафиксировала отклонение на два часа от астрономического времени. Может быть, не нужно ничего делать?* ***Вторая развилка*** *– а куда нам возвращаться? Возвращаться нам, закрепив изменение только зимнего времени, или возвращаться нам к астрономическому поясному времени?*).

Существует прямая взаимосвязь между постановкой вопроса (проблемы) и решением проблемы в ответе на вопрос [Winograd 1977: 64]. В данном случае проблема поставлена в вопросах председательствующего, а её решение содержится в его же собственных ответах на эти вопросы; этих решений два: оставить принятую систему исчисления времени или изменить эту систему. Изменение, в свою очередь, тоже влечет за собой два решения: перейти на зимнее время или вернуться к астрономическому поясному времени. Становится очевидным, что происходит реализация когнитивного сценария принятия решения: за высказываниями председательствующего встают, последовательно, две пропозиции (два решения). Эти решения представляют собой действия в мире, реализующие две находящиеся в конфликте проблемные пропозиции: <Необходимо изменить время> vs <Необходимо не изменять время>. Вербализация этих проблемных пропозиций осуществляется с использованием слова *развилка*, которое определяется как «место, где дорога расходится надвое и более» [ТСРЯД], «то же самое, что разветвление» [ТСРЯ]. Эта метафора указывает, в терминах теории решения проблем, на две альтернативы, выбор из двух вариантов. Высказывания, в которых используется слово *развилка*, передают смысл, который на метаязыке формулируется не как *развилка*, а как *первое решение* (*первая развилка*) − <Изменить время>, и *второе решение* (*вторая развилка*) − <Не изменять время>. Две проблемные пропозиции предполагают два возможных варианта решения проблемы, из которых решающие должны сделать выбор одного. Этот выбор в данном случае сводится к вариантам между ответами «да» или «нет», что на когнитивном уровне означает, что говорящие выражают две пропозиции, полностью исключающие друг друга. Поскольку вербализуемые пропозиции являются контрадикторными, то тип решения проблемы в политической коммуникации мы обозначаем, используя термин П. Таргарда [Thargard 1992] и С.Н. Плотниковой [Плотникова 1995], как адверсариальный.

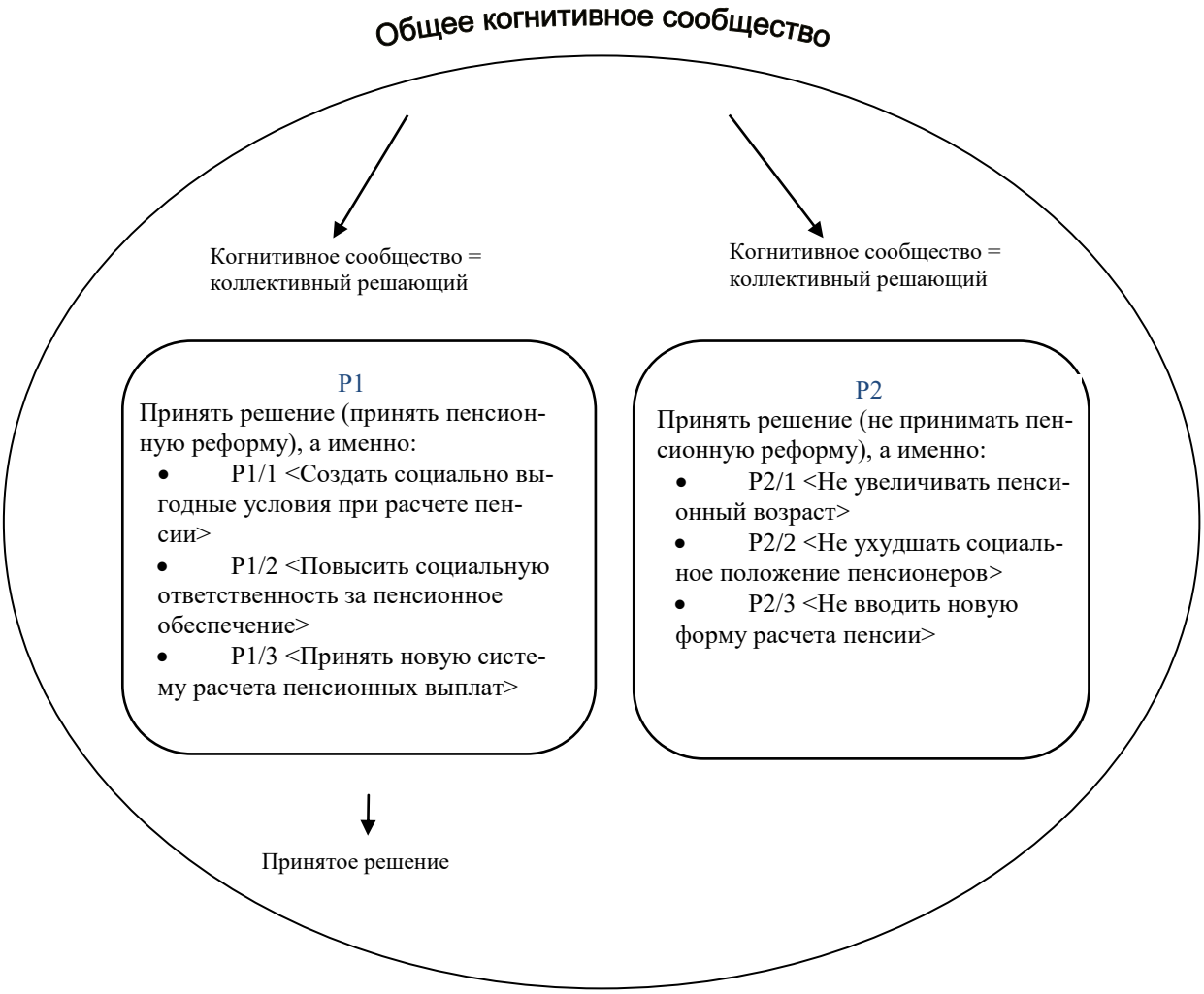
2.6. Коллективная когниция как отличительная особенность прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации

Установлено, что когниция и дискурсивизация в прагматической ситуации принятия решения носит коллективный характер, поскольку все участники совместно осмысливают и обсуждают одну и ту же проблему. Совместная вовлеченность участников в процессы когниции и дискурсивизации означает, что они являются членами единого когнитивного и дискурсивного сообщества. Вместе с тем вербализация двух контрадикторных пропозиций как двух вариантов решения разделяет участников на два противостоящих друг другу когнитивных и дискурсивных сообщества. Входящих в них участников мы моделируем в виде двух абстрактных коллективных решающих субъектов, поскольку циркулирование решения в когнитивном и дискурсивном пространстве осуществляется между двумя коллективными ответами на поставленный проблемный вопрос: «да» или «нет».

Определено, что две вербализуемые контрадикторные пропозиции являются по своей когнитивной сущности макропропозициями [Dijk, Kintsch 1978], то есть обобщенными пропозициями (решениями), содержание которых кон-

кретизируется рядом микропропозиций (микрорешений). Модель коллективной когниции в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации (на примере заседания Государственной Думы РФ, посвященного пенсионной реформе, от 19.10.2013 г.), представлена на схеме 1 (Р – решение, Р 1/1 и т.д. – микрорешения).

Схема 1. Коллективная когниция в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации



На схеме показано, что процесс когниции в прагматической ситуации принятия решения протекает через осмысление и вербализацию контрадикторных пропозиций двумя коллективными субъектами. В этом общем когнитивном процессе вербализация идёт от макропропозиций к микропропозициям; все конкретные решения перечисляются и вербализируются, то есть решение проблемы осмысливается, затем проговаривается с точки зрения того, что прагматически рационально, выгодно и полезно через возможные результаты, исходы от двух базовых действий. Данная модель объясняет также когнитивную сущность поведения парламентариев, воздержавшихся при голосовании. Они соприсутствуют с другими участниками в одном и том же месте и в одно и тоже время и участвуют в процессе коммуникации (задают вопросы, вступают в полемику и т.д.), то есть участвуют в институциональной и коммуникативной ситуации. Однако они не участвуют в прагматической ситуации принятия реше-

ния, поскольку принятие решения не стало их прагматической целью. Поэтому такие участники не входят, в конечном итоге, ни в одно из когнитивных сообществ.

Итак, участники прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации объединены коллективной когницией; это особый тип полной, всеохватывающей, но в то же время адверсариальной когниции.

2.7. Длительный характер когниции в прагматической ситуации принятия решения: решение как финализованное знание

Доказано, что прагматическая ситуация в политической коммуникации охватывает собой разные коммуникативные и институциональные ситуации, довлеет над ними, цементирует все ситуации в целом и является их основой, то есть все вместе ситуации объединяются, стягиваются в одну общую прагматическую ситуацию. Пока прагматическая ситуация не завершена, проблема существует, поскольку решение ещё не принято, и такая ситуация может длиться годами под влиянием прагматической мотивации. В частности, проблемная ситуация, связанная с последним изменением принятой системы исчисления времени в России, возникла в 2012 г. Прагматическая ситуация принятия решения по данному вопросу развивалась в течении двух лет; эта ситуация, в своём развитии, охватила множество институциональных и коммуникативных ситуаций, так как в каждой из этих ситуаций поднимался один и тот же проблемный вопрос: изменять время или не изменять. Процесс когниции – обработка двух контрадикторных пропозиций, носил длительный характер. Принятое решение стало финализованным знанием − это знание, обработка которого завершена. Решение, как финализованное знание, в данной проблемной ситуации было принято 1.07.2014 г. (*Результат:* ***принято***. ***Закон принят***), и завершился процесс когниции выбором одной из контрадикторных пропозиций: пропозиции <Изменить время>, в связи с чем прагматическая ситуация была завершена и обрела, в терминах И. Гоффмана [Гоффман 2006: 59], свои «скобки».

В главе III «Параметры дискурсивизации в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации» определяются дискурсивные механизмы, лежащие в основе дискурсообразования в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации, анализируется действие в ней Кооперативного принципа и специфика контента производимого в ней дискурса.

3.1. Дискурсивные механизмы согласия и несогласия как факторы поддержания процесса дискурсивизации

Установлено, что базовыми, пронизывающими весь дискурс участников речевыми актами являются речевые акты согласия и несогласия. Превалирующий характер данных речевых актов обусловливается выявленными особенностями когниции, циркулированием в когнитивном пространстве двух контрадикторных макропропозиций, принятие которых сводит всех участников в два когнитивных сообщества. Особенности когниции находят свое отражение в особенностях дискурсивизации. На дискурсивном уровне происходит сведéние всех участников в два дискурсивных сообщества, согласных со своей прагма-

тической позицией и несогласных с противоположной. Сквозное употребление в дискурсе речевых актов, интегрирующее дискурс и выступающее в качестве базового принципа дискурсообразования, в диссертации определяется как дискурсивный механизм. Коллективное согласие и несогласие осуществляется при помощи языковых выражений с соответствующей семантикой, которые представляют собой прямой способ выражения прагматической позиции (*I agree; I profoundly disagree; Я не согласен с господином Новиковым; Я абсолютно согласен со всеми выступавшими*). Говорящие используют также непрямые средства выражения согласия или несогласия, то есть косвенные речевые акты (*I welcome; I concur; I support the Second Reading of the Bill; Прошу поддержать законопроект в первом чтении; I shall vote against the Bill; I will not support this Bill; фракция ЛДПР будет голосовать против данных законопроектов; наша фракция будет категорически возражать и агитировать наш народ против*). Эти языковые маркеры служат основным способом распределения всех участников между двумя коллективными субъектами, используя их, они, собственно, и объединяют себя с одним из двух коллективных решающих.

3.2. Роль аргументации в процессе дискурсивизации

Установлено, что с дискурсивным механизмом согласия / несогласия взаимодействует дискурсивный механизм аргументации / контраргументации. Аргументация и контраргументация поддерживают механизм согласия и несогласия, выступая в качестве речевых актов-подсеквенций, подкрепляющих чистое согласие / несогласие аргументирующими высказываниями. Полилог, формирующийся в процессе взаимодействия двух дискурсивных сообществ, протекает в форме конфронтации и предъявления аргументов противоположной стороне. Определены основные типы аргументов, используемых в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации: аргумент к выгоде, утрате, экспертному знанию, общественному мнению, власти, общественной значимости, национальной безопасности и системе ценностей государства. В ходе развития полилога на основе дискурсивных механизмов согласия / несогласия и аргументации / контраргументации закрепляется объединение всех участников в двух коллективных решающих, а аргументы, используемые ими, служат одновременно речевыми актами обращения к противостоящему решающему с целью привлечь его в свою группу.

3.3. Действие Кооперативного принципа в процессе дискурсивизации

Отмечается, что дискурсивизация прагматической ситуации принятия решения, процесс креативного и динамического производства дискурса «здесь и сейчас» формирует общую цель, в которой заинтересованы все участники – принятие решения. Наличие общей цели предполагает коммуникативное сотрудничество [Грайс 1985], решение проблем в условиях конфронтации ведет к его нарушению. Установлено, что коммуниканты замечают коммуникативные нарушения не у себя, а у своего коммуникативного противника. Участники указывают коммуникативному противнику на искажение истинностной оценки событий, то есть на несоблюдение максим категории качества (*Friend knows that he is* ***making*** *those* ***figures up****; Мы должны сегодня* ***говорить правду***). Указыва-

ется также на нарушение максим категории количества, на то, что коммуникативный противник говорит слишком долго и должен дать высказаться другим (*On that point, will my right hon. Friend give way?).* На подобное замечание со стороны адресата следует положительная (*I am happy to give way to the hon. Gentleman who gave those assurances to me; However, I shall give way to my hon. Friend the Member for Coventry South Mr Cunningham*) или отрицательная реакция (*No, I will not – I will not get any more time, so it is not in my interests; No, I will not because I would like to get through my speech).* Спикер / председательствующий обеспечивает равноправие выступающих в плане продолжительности их высказываний (*That was* ***a very long intervention****, much as it might have been appreciated by hon. Members. If the hon. Gentleman wants to make* ***a longer intervention*** *− it is called* ***a speech****; На следующие вопросы* ***отвечайте покороче****, пожалуйста*). Участники отмечают у коммуникативного противника неясность и двусмысленность выражения, то есть нарушение максим категории манеры (*I hear what the hon. Gentleman says, but* ***I do not understand the point*** *that he is trying to make; Меня не убедил* ***очень сложный, витиеватый ответ*** *на мой вопрос*). Отмечается также нарушение категории отношения, требования не отклоняться от темы (*This is a very long nod to human rights. Perhaps the hon. Gentleman can* ***come back*** *to the Bill; Ваши первое и второе предложения* ***не относятся*** *непосредственно к бюджету*).

В целом, коррекция нарушений Кооперативного принципа осуществляется при помощи речевых актов обвинения, исправления, уточнения.

3.4. Направленность процесса дискурсивизации на конструирование будущего мира

Установлен основной контент дискурса, производимого участниками прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации: дискурсивное конструирование будущего мира. Находясь в реальном времени и пространстве, участники посредством описания создают в своём дискурсе будущий мир, который будет актуализироваться в его физической данности благодаря принятому решению. Будущий мир осмысливается участниками в концептуальных оппозициях «новый vs старый мир» и «хороший vs плохой мир», при этом атрибуция качеств хорошего мира осуществляется в зависимости от того, какой мир выбирает данное сообщество решающих, старый или новый. В конкретных терминах, контент дискурса о будущем новом мире создается его фактуальным описанием, в котором удовлетворительное состояние нового мира противопоставляется неудовлетворительному состоянию старого мира. Хороший мир описывается с помощью лексики с мелиоративной семантикой, соответственно, плохой мир – с помощью лексики с пейоративной семантикой. Тем самым установлено, что дискурс политиков, принимающих решение, представляет собой не только содержательное выражение формирующих его концептов; данные концепты выступают как аксиологически нагруженные, то есть как ценностные доминанты процесса дискурсивизации.

В заключении обобщаются результаты проведенного исследования, формулируются вытекающие из него основные выводы и намечаются перспек-

тивы дальнейшего изучения избранной темы: анализ прагматических ситуаций других типов в институциональной и частной коммуникации, создание их общей классификации, а также дальнейшая разработка ситуационного анализа дискурса и коммуникации.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях Кузнецовой Л.В., общим объемом 4 п.л., из них 3 статьи объемом 2 п.л. в изданиях, включенных в «Перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук».

1. Кузнецова Л.В. Аргументация в прагматической ситуации принятия решения // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. – Иркутск: ИГЛУ, 2013. – № 2. – С. 195-202. – 0,8 печ. л.

2. Кузнецова Л.В. Дискурсивные параметры прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. – Иркутск: ИГЛУ, 2014. – № 2. – С. 293-299. – 0,6 печ. л.

3. Кузнецова Л.В. Дискурсивное конструирование будущего мира в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер. Языкознание и литературоведение. – М.: МГЛУ, 2015. – № 3. – С. 128-139. – 0,7 печ. л.

Другие публикации по теме диссертации в периодических научных изданиях и сборниках:

4. Кузнецова Л.В. Коммуникативная ситуация принятия решения: проблема адресанта и адресата // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы конференции молодых ученых (Иркутск, 20-23 марта 2012 г.). – Иркутск: ИГЛУ, 2012. – С. 80-82. – 0,1 печ. л.

5. Кузнецова Л.В. Актуализация ценностных концептов в прагматической ситуации принятия решения // Аспирантские чтения ИГЛУ: сборник научных статей. – Иркутск: ИГЛУ, 2012. – С. 136-141. – 0,3 печ. л.

6. Кузнецова Л.В. Речевые акты согласия и несогласия в ситуации принятия решения // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы конференции молодых ученых (Иркутск, 4-7 марта 2013 г.). – Иркутск: ИГЛУ, 2013. – С. 76-77. – 0,1 печ. л.

7. Кузнецова Л.В. Реализация дискурсивной технологии «мозговой штурм» в ситуации принятия решения // Аспирантские чтения ИГЛУ: сборник научных статей. – Иркутск: ИГЛУ, 2013. – С. 91-97. – 0,3 печ. л.

8. Кузнецова Л.В. Когнитивные параметры коммуникации в социально значимой ситуации принятия решения // Язык – когниция – социум: тезисы до-

кладов международной научной конференции (Минск, 12-13 ноября 2013 г.) – Минск: МГЛУ, 2013. – С. 153-154. – 0,2 печ. л.

9. Кузнецова Л.В. Дискурсивные механизмы согласия и несогласия в ситуации принятия решения // Языковой дискурс в социальной практике: материалы международной научно-практической конференции (Тверь, 5-6 апреля 2013 г.). – Тверь: ТвГУ, 2013. – С. 125-129. – 0,3 печ. л.

10. Кузнецова Л.В. Ситуация принятия решения в политической коммуникации // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы конференции молодых ученых (Иркутск, 3-6 марта 2014 г.). – Иркутск: ИГЛУ, 2014. – С. 45-47. – 0,1 печ. л.

11. Кузнецова Л.В. Дискурсивные механизмы развития прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации // Аспирантские чтения ИГЛУ: сборник научных статей – Иркутск: ИГЛУ, 2014. – С. 145-151. – 0,3 печ. л.

12. Кузнецова Л.В. Вербализация проблемных пропозиций в прагматической ситуации принятия решения в политической коммуникации // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности: материалы 9-й Всероссийской научной конференции (Иркутск, 15-16 октября 2015 г.). – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. – С. 113-119. – 0,5 печ. л.